

УДК 327

Гуськова Е.Ю.¹

**РОССИЯ В ГОДЫ ЮГОСЛАВСКОГО КРИЗИСА.
НЕ МОГЛА ПОДДЕРЖАТЬ СЕРБОВ ИЛИ НЕ ХОТЕЛА?²**

Институт славяноведения РАН. Москва

Guskova E.Yu.

**RUSSIA DURING THE YUGOSLAV CRISIS.
COULD IT NOT SUPPORT THE SERBS, OR DID IT NOT WANT TO?**

Institute for Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences

Аннотация. В статье рассматривается вопрос российско-сербских отношений в 90-е годы XX в., в период распада СССР и СФРЮ, исчезновения биполярного мира, ослабления Восточной Европы, кризисного состояния России, усиления США и возрождении величия Германии. Югославское направление балканской внешней политики СССР в трудных внутриполитических условиях не было серьёзно востребованным. Во всяком случае, из документов видно, что в нём больше была заинтересована югославская сторона. В целом период 1991–1995 годов был периодом полного взаимонепонимания между руководством Югославии и России. Югославия ждала от России поддержки, а Россия смотрела на Запад, пытаясь построить новую внешнюю политику, стать равноправным партнёром западных стран в новой системе международных отношений, складывавшихся в Европе и мире. Результатами такой политики стали: падение авторитета России среди югославянских народов, вытеснение её из зоны своих традиционных интересов, расширение политического, экономического и военного присутствия США в Европе, а Германии — на юге и востоке Европы.

Abstract. The article examines the issue of Russian-Serbian relations in the 1990s, during the period of the collapse of the USSR and the SFRY, the disappearance of the bipolar world, the weakening of Eastern Europe, the crisis in Russia, the strengthening of the United States, and the revival of Germany's greatness. In difficult domestic political conditions, the Yugoslav direction of the USSR's Balkan foreign policy was not seriously pursued. However, it is evident from the

¹ Гуськова Елена Юрьевна – доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института славяноведения РАН, академик САНУ и АНУРС, сенатор Республики Сербской.

² Материалы Международной научно-практической конференции «Русско-сербские отношения в контексте формирования многополярного миропорядка: опыт и перспективы». ТулГУ 11 апреля 2025 года. Конференция организована на средства гранта Правительства Тульской области в сфере науки и техники. Постановление Правительства Тульской области от 23.12.2024 № 699 «Об итогах конкурса грантов Правительства Тульской области в сфере науки и техники 2024 года». Договор на выполнение работы ДС/171 от 28 декабря 2024 г.

documents that the Yugoslav side was more interested in this direction. In general, the period from 1991 to 1995 was a period of complete misunderstanding between the leadership of Yugoslavia and Russia. Yugoslavia expected support from Russia, while Russia looked to the West, trying to build a new foreign policy and become an equal partner of Western countries in the new system of international relations that was emerging in Europe and around the world. The results of this policy were: a decline in Russia's authority among the South Slavic nations, its displacement from its traditional interests, and an expansion of political, economic, and military influence.

Ключевые слова. СССР, Югославия, Россия, внешняя политика, М.С. Горбачёв, Б.Н. Ельцин, А. Козырев.

Keywords: USSR, Yugoslavia, Russia, foreign policy, M.S. Gorbachev, B.N. Yeltsin, and A. Kozurev.

События начала 90-х гг., кризис на территории Югославии возникли в конце длительного периода охлаждения, а затем стагнации отношений между СССР и Югославией. Тогда балканское направление находилось на задворках внешней политики России — с одной стороны, как невостребованное со стороны Югославии, а с другой — как неприоритетное для Москвы. В этих условиях разразились, почти одновременно, национально-политические кризисы в СССР и Югославии.

В конце 80-х — начале 90-х гг. прошлого века Югославия оказалась в трудных экономических и политических условиях, а потому искала поддержку среди европейских государств. Заговорила историческая память, и страна с надеждой обратилась к России, как это часто случалось в истории. В ответ она встретила холодное непонимание и даже недоумение представителей российской дипломатии: почему именно Россия должна участвовать в балканских делах? Попробую ответить на вопрос, почему Москва ответила именно так.

Несколько слов об исторической памяти. История российско-югославских отношений на протяжении нескольких последних столетий знала взлёты и падения, периоды охлаждения и доброго сотрудничества. С 1715 г. ведёт своё начало традиция русских царей оказывать материальную поддержку черногорцам. Славянские православные народы Балкан представлялись России естественными союзниками, связи с ними складывались на протяжении веков, «их основой было совпадение политических интересов, этническая близость и культурно-религиозная общность» [5, с. 3.]. Прямые дипломатические связи между Россией и возникающими на Балканах славянскими государствами в первой половине XIX в., открытие российских консульств позволили этим отношениям приобрести

твёрдый, устойчивый характер.

Сложная история внешней политики России за последние два столетия во многом связана с борьбой за утверждение своего влияния на Балканах и Ближнем Востоке, с поддержкой национально-освободительного движения славянских народов, с политическими и военными баталиями за раздел территорий Османской империи, с поиском союзников для отстаивания своих национальных интересов. С начала XIX столетия Балканы становятся одним из важных направлений внешней политики России.

История нас учит следующему:

1. Европейские монархи всегда стремились избежать создания большого славянского государства, изолировать Россию от балканской политики, отгородить её от Балканских стран, населённых славянами.

2. Россия всегда помогала славянским балканским народам в их национально-освободительной борьбе и дипломатическими, и военными, и всеми другими средствами.

3. Усиление влияния России на Балканах периодически вело к её дипломатической изоляции, однако Балканы оставались приоритетным направлением внешней политики России.

4. Россия никогда не уходила с территории Балкан, не поворачивалась спиной к этому региону, даже в периоды, когда отношения с руководством Сербии были натянутыми (конец XIX в., период Милана Обреновича).

5. Россия связывала на протяжении своей истории соотношение сил на Балканах с проблемой безопасности южных и западных границ Российской империи.

Эти положения оставались актуальными в Европе и в 90-е гг. прошлого века. Однако они существовали в новых условиях — при исчезновении биполярного мира, ослаблении Восточной Европы, кризисном состоянии России, усилении США и возрождении величия Германии. Методы политики западных стран в этом отношении несколько видоизменились. При этом военные приёмы не ушли в прошлое, но они сочетались с экономическими и весьма грязными дипломатическими.

В послевоенный период отношения между СССР и СФРЮ носили нестабильный характер, наблюдались периоды значительного сближения и больших серьёзных кризисов. К концу 80-х гг. Югославия подходила с чувством незащищённости в связи с отсутствием стабильной традиционной поддержки со стороны России (СССР), которая могла потребоваться, если бы страна начала распадаться.

Внешняя политика России на Балканах в 90-е гг. прошлого века — важная и ещё до конца не изученная тема. Россия, сама переживая трудный период раскола Федерации,

осталась в стороне от событий на Балканах в то время, когда некогда сильная Югославия тоже распадалась на шесть новых государств. Этот процесс был тяжёлым, проходя через войны и конфликты.

Политика советского руководства в годы перестройки в отношении стран социалистического содружества получила название «доктрины Горбачёва». Фактически это был отказ от желания контролировать и командовать странами социализма, предложение им самим проводить политику, продиктованную собственными интересами. Союзничество оставалось, но отношения между странами «социалистического лагеря» приобретали новое содержание.

Горбачёв находился с официальным визитом в Югославии 14 – 18 марта 1988 г. Кроме Сербии Горбачев посетил ещё две республики – Словению и Хорватию – республики, которые стремились к независимости, и с первых шагов визита стала складываться товарищеская и непринуждённая обстановка. Соблюдались и все протокольные формальности, присутствовал и момент торжественности, но не было той напыщенности, суеты и искусственности, которые отличали визиты в некоторые другие страны. Среди вопросов, которые поднимались во время церемоний, официальных переговоров и просто приветствий были следующие:

Заверения в искренней дружбе, упоминание замечательных страниц из истории отношений между нашими народами.

Сожаление о разрыве дружеских отношений в 1948 г.

Расширение сферы политического взаимодействия между странами, желание поднять на новый уровень межгосударственные и межпартийные отношения.

Обмен мнениями о судьбах и проблемах социализма, изменение механизма взаимодействия между социалистическими странами.

Экономическое сотрудничество между Югославией и СССР.

О подрывных целях Запада и использовании им ситуации, складывающейся в отношениях между социалистическими странами.

Политика разоружения и сокращение ядерных арсеналов.

Югославы очень хорошо относились к М.С. Горбачёву. Он для них был символом нового уровня отношений между нашими странами, лидером демократии и разработчиком политики невмешательства во внутренние дела стран, особенно социалистических.

Визит дал ценную возможность Горбачёву лучше познакомиться с Югославией, получить более полное представление о жизни народов этой страны, почувствовать любовь югославов к России, русскому народу. «Советское руководство, коммунисты, все

трудящиеся нашей страны, — сказал М. С. Горбачёв на заключительном обеде, — искренне желают видеть Югославию сильным, сплочённым, процветающим, социалистическим государством» (Визит Генерального секретаря. 1988. С. 70). Он высказал убеждение, что весь комплекс советско-югославских отношений выходит на новые рубежи, подчеркнув, что «советские люди преданы дружбе с народами Югославии» (*Визит Генерального секретаря. 1988. С. 75*).

Югославы были довольны результатами встреч с руководителем СССР. Им нравился Горбачёв. Они верили ему, когда он говорил, что в СССР начинают строить самоуправление, начинают полномасштабный процесс демократизации общества. Сербь ощутили, что у них вновь появился товарищ и старший брат, взгляды с которым стали совпадать по многим вопросам.

Содержание разговоров, а также итоговые документы дали югославской стороне уверенность в том, что достигнутое взаимопонимание в случае возникающих трудностей позволит ожидать от СССР помощь и поддержку.

Неоднократно в своих речах М.С. Горбачёв подчёркивал, что находится под большим впечатлением от того тёплого, радушного приёма, который оказывался советской делегации. В знак признания заслуг советского генсека перед народами, строящими социализм, который «пробуждает огромные творческие силы народа и обеспечивает духовное процветание личности», М.С. Горбачёв был награждён Золотой памятной медалью Белграда. В ответной речи М.С. Горбачёв произнёс слова, которые очень понравились белградцам: «Белградец воспринимается нами как символ борьбы за человеческое достоинство, за независимость». И далее: «Мы очень дорожим дружбой с югославскими народами» (*Визит Генерального секретаря 1988. С. 35*).

Но югославская сторона не знала, что подход Горбачёва к увиденному в Югославии был критическим. По его мнению, советское самоуправление нельзя отождествлять с югославским. К такому выводу он пришёл, наблюдая негативные последствия самостоятельности республик, кризисные явления во всех сферах жизни.

Югославское направление балканской внешней политики СССР в таких трудных внутривластных условиях не было серьёзно востребованным. Во всяком случае, из документов видно, что в нём больше была заинтересована югославская сторона. Разговоры во время встреч или по телефону носили общий характер и подчёркивали необходимость наращивать взаимовыгодное сотрудничество по всем направлениям.

Политика Советского Союза беспокоила Запад, который боялся вмешательства Советов в кризис на Балканах. На решение Москвы могли повлиять и старые связи русского

и сербского народов, и непредсказуемость советского руководства, и неопределённость, отсутствие чёткой концепции внешней политики. Поэтому Запад пытался влиять на позицию официальных кругов СССР. Руководству Югославии стало известно, что на одной из встреч высших должностных лиц НАТО и СССР натовцы предупредили русских, чтобы те не вздумали оказывать материальную или идеологическую поддержку ЮНА: в случае её НАТО будет реагировать «решительно и со всей силой» (Јовић Б. 1995. С. 342).

Как видим, Горбачёв не мог проводить самостоятельную внешнюю политику на балканском направлении, с одной стороны, по причине экономических трудностей и зависимости от западных стран, с другой — этому мешала внутривластная обстановка в стране, борьба за власть, серьёзные структурные изменения в институтах власти страны и республик.

В последние годы существования СССР балканский регион оставался в зоне внимания скорее по инерции. МИД СССР декларировал, что занимает нейтральную позицию в конфликте на территории СФРЮ. Равноудаленность от конфликтующих сторон диктовала заявления наиболее общего характера. Неизменным оставался и тезис о территориальной целостности Югославии. Внешнеполитическая позиция Советского Союза по югославскому кризису складывалась в трудных условиях развития внутривластного кризиса Советского государства. На неё не могли не оказывать влияния сложная кризисная экономическая ситуация в стране, экономическая зависимость от Запада, необходимость выполнять определённые условия, чтобы получить кредиты, иллюзорная надежда на равноправное международное сотрудничество со странами Европы и США, необходимость дистанцироваться от попыток инкриминировать Москве поддержку «великосербской» идеи.

Однако руководство Югославии не оставляла надежда, что в случае возникающих трудностей достигнутое взаимопонимание позволит ожидать от СССР помощь и поддержку. Именно такая помощь понадобится Югославии, когда Федерация начнёт разваливаться, когда Словения и Хорватия провозгласят независимость и получат полную поддержку Германии и США. Сербия же и Черногория надеялись на помощь Москвы.

Обострение политической обстановки в Югославии в 1991 г. не вызывало особого беспокойства у российского руководства, которое исходило из того, что решение возникших в СФРЮ проблем должно происходить без какого-либо вмешательства извне. Москва долго не отступала от своей позиции, позволяя подвижки лишь в сторону либерализации межреспубликанских отношений.

Становление политических структур и определение ориентиров внешней политики нового государства – Российской Федерации – проходили в 1992 г. одновременно. Процесс

этот был поспешный, а потому не всегда продуманный и взвешенный. Новые кадры, новые лица, неоднородные подходы, скороспелые решения. Б.Н. Ельцин торопился создать государственные структуры и с новыми людьми включиться в процесс построения новой страны. Министр иностранных дел в период Б.Н. Ельцина А.В. Козырев вспоминал, что «порядка никакого не было. Всё с колёс делалось. Ни правительства нормального, ничего» [4].

Андрей Козырев ещё в декабре 1991 г. объяснил принципиальное различие между установками эпохи М. С. Горбачёва и текущим моментом. Он тогда подчеркнул, что впредь Москва будет осуществлять курс на полномасштабное партнёрство с Западом и интеграцию с ним [1, с. 59-60].

Балканский кризис случился на взлёте карьеры Козырева и мешал в намеченной линии установления более тесных отношений с лидерами западных стран. Только желание наравне с великими державами участвовать в европейских делах заставили министра включиться в балканские проблемы.

Главные просчёты политики Козырева носили стратегический характер. Он не просчитал цели Запада по политическому, военно-техническому и экономическому ослаблению Югославии и России, лишению России её естественных союзников и партнёров, расширению сфер влияния США и Германии на Восточную Европу, Балканы и бывшие республики СССР; не предполагал, что его самого просто используют в интересах Запада. Он действовал вполне осознанно, уверенно, правда, не заглядывая вперёд и не прогнозируя результаты своей политики в будущем.

Поэтому мы можем говорить, что в России в период А. Козырева отсутствовала тщательно выверенная стратегия внешней политики России на Балканах. А тактические шаги рассчитывались западными партнёрами. Ради единства с ними, Россия поддержала санкции против СРЮ в 1992 г.; все резолюции СБ ООН, даже если видела их односторонность; не возражала против участия НАТО в миротворческих операциях на Балканах, против создания Гаагского трибунала.

На наш взгляд, российская дипломатия страдала необъективностью, не смогла стать фактором, который бы уравнивал разные позиции по югокризису и стремилась бы к взвешенному отношению ко всем сторонам конфликта. Существенная ошибка российской дипломатии заключалась в том, что она с начала кризиса не имела своей собственной концепции разрешения конфликта, не смогла выступить в роли арбитра и посредника, а играла только отводившуюся ей второстепенную роль, выполняя указания партнёров. Но отношения с западными странами и США были далеко не партнёрские. В период с 1991 по

1993 г. Россию вообще отстранили от участия в решении кризиса, видимо, боясь её исторически традиционного отношения к сербам, а с конца 1993 г. отвели некрасивую роль «пресса» без прав и полномочий. Вера сербов в Россию, исторические связи, любовь сербского народа использовались российской дипломатией в политических целях запада. Если оценивать роль России в урегулировании балканского конфликта в целом, то она была скорее неплодотворной, чем результативной.

Превращение международных организаций, призванных содействовать урегулированию столкновений мирными средствами, в мирового жандарма проходило при полной поддержке России, когда российский МИД не смог и не хотел занять самостоятельную позицию в югославском вопросе. При этом постепенно сводились на нет собственно российские интересы в угоду интересам других государств. Москва фактически игнорировала необъективность международных организаций и их желание наказать сербов, естественных союзников русских. В то время об этом союзничестве у нас и не упоминалось.

Россия закрыла глаза на то, что на Балканах отработывался механизм принуждения к миру насильственными средствами и дала себя втянуть в него, не думая об интересах народов, против которых этот механизм работал. Уже в первый год деятельности МИД РФ взял на себя важную функцию, предложенную Западом – стать посредником в переговорном процессе с Белградом по вопросам, которые сербы считали недопустимыми для Сербии и Черногории. Козырев отмечал главную тактическую линию поведения российской дипломатии на Балканах – «используя добрые отношения, убедить сербское руководство прислушаться к голосу разума...» [Козырев А. На чьей стороне...1993. С. 342]. Зная об отношении доверия сербов к России, Запад нуждался в помощи Москвы именно в этом вопросе – заставлять сербов соглашаться на все повеления и ультиматумы Запада. И Козырев принял с благодарностью предложенную России унижительную роль. На протяжении всего кризиса министр действовал по одной схеме – ставил перед Белградом определённые условия, даже неприемлемые для него, обещая снятие санкций или страшая их усилением. И Козырев лукавил, когда говорил о долгосрочных интересах России на Балканах, о дружеских чувствах к сербам, когда давал обещания об отмене санкций или говорил об отстаивании справедливости.

Козырев предлагал отказаться от «узконационального, эгоистического подхода» к национальным интересам, который может привести к стихии «конкурирующих национальных интересов». Вместо этого стабилизирующим началом международной жизни он считал «партнёрство мировых демократий в решении общей для всех задачи: превращения неустойчивого постконфронтационного мира в стабильный и

демократический» [3, с. 352-352].

Россия практически не оказывала гуманитарной помощи республикам бывшей Югославии, охваченным войной, хотя попытки такие были. Так, в октябре 1992 г. Ельцин дал поручение доставить грузы гуманитарной помощи на территорию бывшей Югославии. Он обратился к министру обороны П.С. Грачёву выделить для этих целей военно-транспортные самолёты РФ. Грачёв отвечал Козыреву, что самолёты заняты перевозками вывозимых на территорию России войск. Кроме того, СБ ООН 9 октября принял резолюцию о запрещении полётов военных самолётов над территорией Боснии и Герцеговины (АВПР. Ф. 144. Оп. 53. Д. 9. П. 129. Л. 237). В архивных материалах есть документы, что в связи с наводнением в Черногории правительство РФ приняло решение направить в Черногорию гуманитарную помощь в виде медикаментов самолётом транспортной авиации (АВПР. Ф. 144. Оп. 53. Д. 9. П. 129. Л. 238). Однако не известно, удалось ли отправить транспорт в Подгорицу. Лишь в январе 1994 г. премьер-министр подписал документ о гуманитарной помощи гражданам бывшей Югославии в виде лекарств и детского питания стоимостью более 80 тыс. долларов, а в декабре гражданскому населению СРЮ было поставлено 50 тыс. тонн риса (Заявление МИД РФ. 1994. № 23/24. С. 56). Вся остальная помощь шла от общественных организаций и частных лиц.

В «Очерках политической истории» эпохи Ельцина вину за положение дел в сфере внешней политики авторы возложили, кроме Козырева, и на самого Президента, т.к. именно он заложил основы такой системы, при которой МИД работал в условиях почти полной бесконтрольности. Фактически дипломатическое ведомство было предоставлено само себе. «Отсутствие нормального механизма разработки и принятия решений, пожалуй, основной порок внешнеполитической деятельности в годы президентства Б. Ельцина... Создавалось впечатление, что Б. Ельцин, не особенно вникая в детали, без каких-либо дополнительных консультаций подписывал почти всё, что ему «подсовывал» А. Козырев» [6, с. 481].

Следует подчеркнуть, что в целом период 1991–1995 годов был периодом полного взаимонепонимания между руководством Югославии и России. Югославия ждала от России поддержки, а Россия смотрела на Запад, пытаясь построить новую внешнюю политику, стать равноправным партнёром западных стран в новой системе международных отношений, складывавшихся в Европе и мире. Результатами такой политики стали: падение авторитета России среди югославянских народов, вытеснение её из зоны своих традиционных интересов, расширение политического, экономического и военного присутствия США в Европе, а Германии — на юге и востоке Европы.

Российскую дипломатию на Балканах все годы кризиса отличала

непоследовательность, недобросовестность, небрежность.

Одновременно первая половина 90-х годов показала и существование в народе исторической памяти. В трудные минуты нашей истории, исторические традиции, так долго остававшиеся не востребованными, возродили политические и общественные движения российской общественности, патриотический порыв интеллигенции, политические манифестации законодательной власти, движение добровольцев среди молодёжи, военных и казачества. События на Балканах всколыхнули давно забытые идеи славянства, духовной близости, попытки сохранить и уберечь свою духовную самобытность. В середине 90-х годов уже вся Россия знала о том, что происходит на Балканах. И антinationальным средствам массовой информации все труднее было дезинформировать общественность.

Ошибки, тем более во внешней политике, исправлять трудно, но извлекать уроки полезно, хотя и нелегко.

Сегодня, а вернее, ещё вчера, Россия должна была уделить самое пристальное внимание проблеме внешней политики, разработать её концепцию, определить приоритеты. Россия обязана была объявить Балканы зоной своих национальных интересов, что позволило бы избежать такого негативного последствия деятельности международных организаций и отдельных стран, как отсутствие партнёрских отношений между ведущими государствами в решении проблем югокризиса. Лишь после 2000 г. Россия снова начала, хотя и медленно, выстраивать югославское направление своей внешней политики, правда, в крайне сложных условиях всё возрастающей конфронтации с Западом.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Архив внешней политики РФ. Ф. 144. Оп. 53. Д. 9. П. 129. Л. 237.
2. Визит Генерального секретаря ЦК КПСС М.С. Горбачёва в Социалистическую Федеративную Республику Югославию 14-18 марта 1988 года. Документы и материалы. М.: Изд-во политической литературы, 1988. 95 с.
3. Јовић Б. Посљедни дани СФРЈ: Изводи из дневника. Београд: Политика, 1995. 491с.
4. Заявление МИД Российской Федерации // Дипломатический вестник. М., 1994. № 23/24. С. 56.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Бажанов Е. П. Эволюция российской внешней политики в 90-е годы // Дипломатический вестник. 1997. № 2. Февраль. С. 59-67.
2. Козырев А. На чьей стороне Россия в югославском конфликте // Югославский кризис и Россия. Документы, факты, комментарии (1990-1993). Современная история

Югославии в документах. Т. 2. М.: Славянская летопись, 1993. С. 342-343.

3. Козырев А.В. «Преображение или кафкианская метаморфоза»: Демократическая внешняя политика России и её приоритеты // Югославский кризис и Россия. Документы, факты, комментарии (1990-1993). Современная история Югославии в документах. Т. 2. М.: Славянская летопись, 1993. С. 344-353.

4. Кох А., Авен П. Андрей Козырев: настоящий камикадзе. Интервью // FORBES. 2011, 28 сент. // Режим доступа: <https://www.forbes.ru/ekonomika/lyudi/74501-andrei-kozyrev-nastoyashchii-kamikadze>

5. Кудрявцева Е. П. Россия и Сербия в 30–40-х годах XIX века. М.: Институт российской истории, 2002. С. 253 с.

6. Эпоха Ельцина. Очерки политической истории. М.: Вагриус, 2001. 816 с.

REFERENCES (transliteration from Russian to English)

1. Bazhanov E. P. Evolyuciya rossijskoj vneshnej politiki v 90-e gody // Diplomaticeskij vestnik. 1997. № 2. Fevral'. S. 59-67.

2. Kozyrev A. Na ch'ej storone Rossiya v yugoslavskom konflikte // Yugoslavskij krizis i Rossiya. Dokumenty, fakty, kommentarii (1990-1993). Sovremennaya istoriya Yugoslavii v dokumentah. T. 2. M.: Slavyanskaya letopis', 1993. S. 342-343.

3. Kozyrev A.V. «Preobrazhenie ili kafkianskaya metamorfoza»: Demokraticeskaya vneshnyaya politika Rossii i eyo prioritety // Yugoslavskij krizis i Rossiya. Dokumenty, fakty, kommentarii (1990-1993). Sovremennaya istoriya Yugoslavii v dokumentah. T. 2. M.: Slavyanskaya letopis', 1993. S. 344-353.

4. Koh A., Aven P. Andrej Kozyrev: nastoyashchij kamikadze. Interv'yu // FORBES. 2011, 28 sent. // Rezhim dostupa: <https://www.forbes.ru/ekonomika/lyudi/74501-andrei-kozyrev-nastoyashchii-kamikadze>

5. Kudryavceva E. P. Rossiya i Serbiya v 30–40-h godah XIX veka. M.: Institut rossijskoj istorii, 2002. S. 253 s.

6. Epoha El'cina. Ocherki politicheskoy istorii. M.: Vagrius, 2001. 816 s.

Рецензент: Гельфонд М.Л. - заведующий кафедрой гуманитарных и социально-экономических дисциплин ТФ РЭУ им. Г.В. Плеханова Доктор философских наук, доцент